

Елена Образцова: Мы были как крепостные

Встреча в Москве — 20 июля 2004 г.

Давно уже Образцова так часто не выступала в Москве, как в нынешнем сезоне. Он для нее особенный: 40 лет назад королева оперы впервые вышла на сцену Большого театра. Затем ее ждала головокружительная, фантастическая карьера. С момента моей просьбы о встрече и до моего появления в старинном особняке на Патриарших прудах, где она живет, прошло ровно три месяца. График примадонны по-прежнему расписан по минутам.

— Елена Васильевна, с каким чувством встретили юбилей?

— Ни с каким. Просто сделала очень много концертов и очень много спектаклей. Чтобы сказать себе самой, что я еще жива и нужна людям. Устроила самой себе экзамен.

— Правда ли, что в Большом театре никогда не ставили спектакли специально для вас?

— Абсолютная правда. Я даже, по-моему, не спела ни одного спектакля на открытие сезона.

— Обидно?

— Да нет. Что же обижаться, если все театры мира стояли в очереди, чтобы поставить на меня спектакли. И на Западе писали потрясающие рецензии, которые никогда не публиковались здесь. Знаете, вообще это известная история — для того чтобы быть великой в своем отечестве, надо умереть. Мне кажется, сегодня я живу очень разумно. Это Господь открыл мне разум, особенно после того, как я потеряла Альгиса, мужа моего. Научилась подходить ко всему философски и не испытывать потрясений от того, что делают люди.

— Сегодня молодой певице пробиться легче, чем в ваши времена?

— Думаю, гораздо легче. Мы же были как крепостные и могли выезжать за границу только три месяца в году. Сейчас все свободно, все могут выбирать себе страны, театры, партии. Единственное — не надо гнаться сразу за большими деньгами в ущерб здоровью, голосу. Сразу дать большую нагрузку для голоса равносильно смерти. Поэтому «звездочек» сегодня много — загораются и тухнут.

— Итак, у молодых певцов сегодня масса возможностей. А как у них с желанием серьезно учиться?

— Вы знаете, я чем потрясена? Многие сегодня даже не ходят в концертные залы и театры. Ведь мы каждый вечер были в театре! Там не пели ни Каллас, ни Тельбальди, но в том же Большом было много талантливейших певцов. Мы ходили, внимательно слушали — как надо, как не надо петь... Сегодня, попадая в метро (это редко, но случается), я смотрю, что люди читают: либо детективы, либо комиксы листают, картинки эти ужасные... Я думаю, их только идиоты на Западе читают, оказывается, и у нас уже тоже. А деятельность телевидения, я считаю, — это настоящее преступление. Это школа бандитизма: сиди и учись, как это делается...

— Почему мы так легко восприняли то, что было нам чуждо по сути?

— А что мы легче всего запоминаем? Дурацкие анекдоты, песни ужасные... Я-то уверена: все это делается специально для развлечения русского народа. Странно, что наше правительство не задумывается об этом и не делает никаких запретов.

— Я помню, вы как-то сказа-

ли: «Я объездила вдоль и поперек весь мир и выше русской культуры ничего не видела».

— И лучше нашего образования.

— Что же сегодня происходит с русской культурой?

— Все сводится к нет. Никто не читает литературу, не ходит в музеи, не смотрит потрясающие фильмы. Боже, какие были актеры, режиссеры! А сейчас или порнография, или убийства, или кто-то у кого-то палкой в голову ковыряет. Когда я дома одна, мне страшно включать телевизор, я потом заснуть долго не могу. Раньше по телевидению звучали Чайковский, Рахманинов — все это впитывалось на генном уровне, а сейчас вся эта генетика выветрена, разрушена...

— Два года назад вышли мемуары Георгия Свиридова. Он предупреждал об этом еще 30 лет назад.

— В последние годы, когда он уже был близок к смерти, мы встречались, и он всегда говорил: «О, Елена Васильевна, здравствуй! Какие новости? Но только хорошие...» Мы очень дружили, и я часами просиживала у него дома, за фортепиано.

— Я воспринимаю ваше исполнение музыки Свиридова как настоящую живопись. Он всегда был доволен вами?

— Нет-нет! Мы очень много занимались, целыми днями, даже месяцами, у него на даче в Новодарьине. Поскольку мы жили по соседству, то вместе гуляли по лесу, разговаривали, потом опять садились к роялю. Он на меня кричал, я кричала на него, мы ужасно ругались. Я говорила ему: «Ты не знаешь, что ты написал!» А он в ответ: «Ты не знаешь, что ты поешь!» Мне нужна вот такая интонация, а это все фальшиво, неправильно!... Он очень хотел, чтобы я пела так, как он написал, а я воспринимала его музыку уже не как его, а как нечто самостоятельное. Я помню наш совместный концерт в Ленинграде. Пою, но взяла не ту интонацию. Он мне из-за рояля: «Не так!» Я чуть с ума не сошла, так это было неожиданно. Слава богу, никто ничего не понял, и мы с блеском завершили концерт. Конечно, потом Свиридов очень извинялся. Понимаете, он физически страдал, что кто-то поет его музыку не так, как слышит ее он. Как композитор он, безусловно, был проводником космической энергии.

— Сегодня вы как-то переосмыслите его музыку?

— Хороший вопрос. Помимо того, что Свиридов был гениальным композитором, он был еще и потрясающим пианистом. Рояль у него звучал как оркестр, иногда как орган, и никто никогда не мог сыграть вещь Свиридова, как он сам. Как он это делал? Его магнетизм просто поражал меня. За спиной я ощущала целый оркестр. И сегодня, когда я преподаю в Японии, где очень любят Свиридова и много поют его, я пытаюсь донести какие-то его секреты. Хотя, увы, гения повторить нельзя.

— Сегодняшняя духовная катастрофа — это уже безысходно?

— Трагедия начинается со школы, даже с младенчества, когда ребенок подходит к телевизору — и слушает поп-музыку, которая колотушкой бьет его по голове. Я смотрю, как мой внук учится. Он, правда, учится в Испании, но это неважно, мы же говорим о мировой культуре. Так вот, у них в школе даже нет такого предмета — «литература».

— Что, вообще нет?

— Представьте себе. Языки, математику учат, а литературу — нет. Они не знают даже своего Сервантеса, а про музыку я и не говорю. С телевидения у нас классика исчезла совсем. Один канал «Культура» ничего не решит. Вы посмотрите эти бесконечные ужасные концерты людей, которые заняли все позиции на всех каналах. Лица, песни, шутки, которые все давно знают наизусть. А все эти темы ужасных ток-шоу? Я не понимаю: у Путина помощники ничего не понимают в этом деле, что ли? Так ведь он и сам смотрит телевизор, и дети его смотрят...

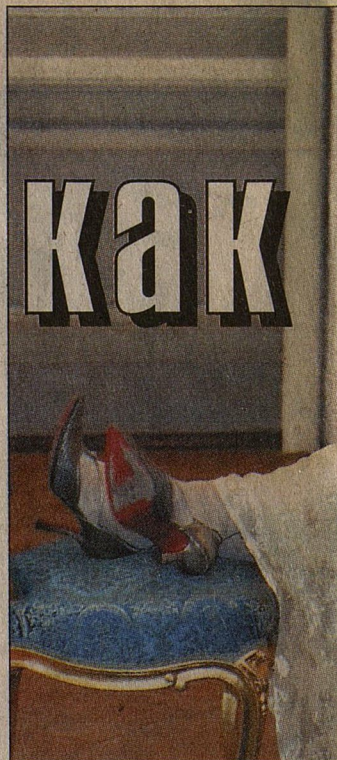
— Елена Васильевна, а вы догадывались, сколько на вас зарабатывал Госконцерт?

— Как я могла не догадываться, когда я сама чемоданами возила свои гонорары в Госконцерт на

... и в минуты триумфа

Неглинскую улицу! (Возмущенно) И сейчас, сорок лет проработав с великими людьми, я хочу отдать все свои знания людям, детям — но, оказывается, это никому не нужно. Давно хочу открыть свой центр поддержки музыкальных талантов. Давно уже договорилась со всеми выдающимися певцами мира, чтобы они приезжали и преподавали в нем, договорилась с Ленинградским университетом, где молодых певцов будут обучать языкам. И когда я прошу какой-нибудь клочок земли или особняк, где я могла бы открыть свой центр, — ни до кого не могу достучаться. Мой конкурс проходит уже в третий раз, я бесплатно пускаю в зал по двести человек, чтобы нормальные люди могли слушать музыку, потому что у стариков нет сегодня денег на билеты в театры... И каждый раз я

Примадона в минуты отдыха...

вынуждена ходить с протянутой рукой и просить деньги на конкурс. И только однажды Людмила Ивановна Шевцова, спасибо ей, дала мне какие-то деньги.

— Образцова ходит и просит деньги?

— Да. Но не для себя, конечно, я для себя вообще никогда ничего не просила у государства, а только отдавала ему.

— Судя по вашим интервью, Образцова довольна своим конкурсом...

— Вернемся к Большому театру. Меня удивляет, что из уст профессионалов последние 10 лет приходится слышать две абсолютно противоположные точки зрения. Одна — что в Большом наконец-то появились голоса, которые вот-вот составят славу русской оперы. Другая — что былой уровень утрачен безвозвратно. А что вы скажете?

— Изредка бывая в Большом театре, могу сказать, что постановки неудачные. Если бы вышло хоть 2-3 хороших певца, но этого, как правило, не бывает, а один в поле не воин. Если один талантливый певец работает в неталантливом ансамбле — он один оперы не сделает. Сейчас почему такая трагедия случилась в музыке? Глубина! Все стало такими поверхностно-скользящими, может быть, это певцы профессиональные по технике, даже по голосу, но глубины в них нет. Надо знать литературу, эпоху, о которой поешь, живопись, историю костюма... Почему композитор выбрал именно этот сюжет? чем он жил в этот момент?... Когда я, предположим, выхожу петь Марфу, я же знаю всю историю, знаю, кто такой Досифей. И поэтому я выхожу как представительница эпохи, а не просто певица, выучившая ноты. Понимаете? Сейчас эпоху-то не поют, а поют ноты! Причем в лучшем случае, да и то плохо.

— Тем не менее сегодня русский певец всегда желанный гость на Западе?

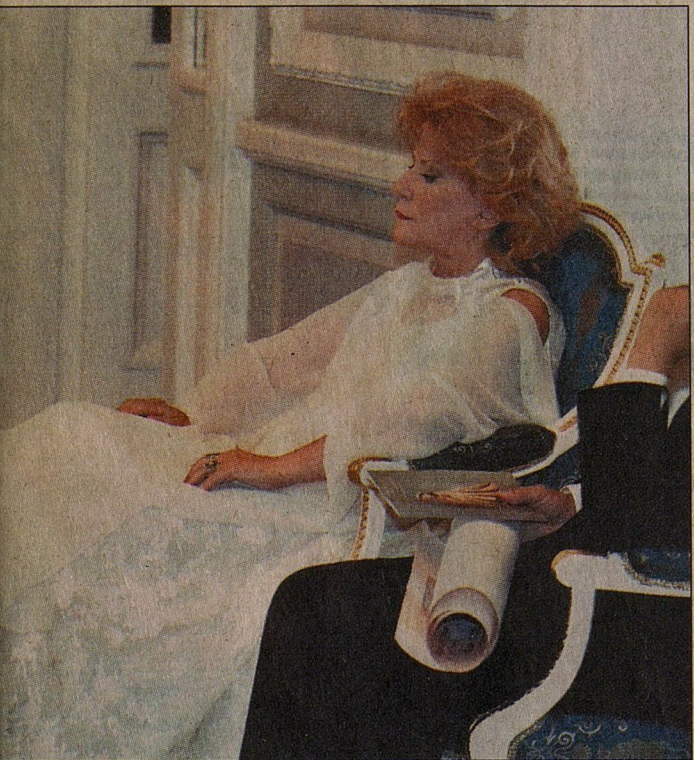
— Да, все театры мира полны русскими певцами. И многие из них составляют там славу русского искусства. Такие, как Владимир Чернов, Ольга Бородин, потрясающая Мария Гудина, Галя Горчакова была совсем недавно очень востребованной певицей...

— Сейчас для молодых на первом месте вопрос гонораров или репертуарный голод?

— Конечно, второе. Вы посмотрите на наш репертуар — ведь нечего же петь! На Западе в каждом театре ежегодно ставится 6-7 спектаклей. Певцы, переезжая из страны в страну, занимаются творчеством. Я не знаю, что думает наше государство. Когда мы говорим о России, мы же не политиков вспоминаем! А Шалыпина, Достоевского, Мусоргского... Вы посмотрите, о чем политики говорят на всех этих думских заседаниях. Это же с ума можно сойти! Просто жалко страну. Если бы мы знали, какая жажда к музыке в провинциальных городах. Боже, какие светлые, чистые лица! Как они истосковались по настоящему искусству... Для меня это просто трагедия.

— Однажды вы признались, что всякий раз влюблялись в своих партнеров по спектаклю. Но вот музыка кончалась — и что?...

— (Пауза) ...Вот это самая большая трагедия в нашем творчестве. Заканчивается спектакль — и все уходит в небытие... И только мы эту красоту отдаем в другие сферы. Там, в космосе, идет накопление красоты, а здесь, на земле, мы остаемся только в памяти людей, которые способны ее воспринять. Я расскажу вам нечто такое, что никому еще не рас-

сказывала. Недавно мне позвонил из Нью-Йорка Дима Хворостовский. Звонит и плачет в трубку. Я перепугалась: «Ты чего, Дима, что случилось?» Его ответ стал для меня одним из самых больших подарков за всю мою жизнь: «Елена Васильевна, я купил здесь диски с вашими премьерами из многих театров, даже любительские записи... Мы никогда, никогда уже не будем петь так, как пели вы в ваше время...»

— Хороший певец и хороший артист на сцене — это по-прежнему скорее исключение...

— Да, правда, это редко бывает. Когда я сорок лет назад вошла в театр — я уже никогда просто так не сидела за кулисами и не вела праздных разговоров. Я все время смотрела, как играют, как поют. В России я все время смотрела на Кривченко, на Борисенко, на Огнинева... Это были такие глыбисты, это были и актеры, и певцы. Потом я поехала на Запад — и смотрела на Дель Монако, Доминго... Я и сейчас учусь постоянно, никогда не уйду за сцену.

— После ухода Свиридова кто из современных композиторов вам наиболее близок?

— Вы знаете, я так пережила его кончину, что больше не обращалась к современной музыке. Я и без того многое наметила спеть.

— И много осталось таких?

— О! (Восторженно) Это не остроты, это целый океан! Я просматриваю очень много нот. Когда я живу в Японии, покупаю диски, выбираю, прикидываю... Потом иду в библиотеку и заказываю ноты. У меня сегодня лежит много намеченных концертных программ. Моя дочь надо мной смеется: «Ты что, еще сто лет собралась петь?»

— А что вы готовите прямо сейчас?

— «Джоконду» для «Карнеги-холла», для концертного исполнения. Потом в театре «Лицео» будет «Борис Годунов» в первой редакции Мусоргского, когда еще не была написана Сцена у фонтана. Я буду петь Шинкарку, с удовольствием не столько спую, сколько сыграю эту роль, потому что она должна быть очень смешная, эта хозяйка корчмы. Сейчас я еду в Мадрид петь «Пиковую даму» с Доминго. У нас с ним вообще какой-то год «Пиковой дамы» получился: я с ним спела и в Лос-Анджелесе, и в Вашингтоне, но он заболел, и на «Пиковой» мы теперь увидимся в Мадриде. А только что я спела с ним «Летучую мышь» в Вашингтоне. Страшно было — пришлось петь на английском, а это для меня нелегко...

— Ваша жизнь, Елена Васильевна, с ее темпами и масштабами, не кажется вам фантастической?

— Конечно, настоящая фантастика! При этом иногда мне кажется, что я ничего не умею, ничего не успела... Когда ко мне приходит Маквала Касрашвили и мы вместе слушаем диски, она мне говорит: «Леночка, мы еще не знаем, кто ты такая...»

Беседовал Александр ВАСИЛЬЕВ